

Стеганая держава / продолжение

Category: Некаýалар, Kitарсу
написано kitарсу | 24 января, 2025
Стеганая держава / продолжение 8.

Ковырялка спала, ей повысили норму выработки и, соответственно, процент. Как и расценки на ее услуги. Поэтому в полдень ее было не добудиться, однако Марчелла была настойчива: трясла ее за плечо и совала в губы какой-то твердый предмет.

Глухо выматерившись, Ковырялка разомкнула глаза.

– Что...

Марчелла смеялась и дразнила ее здоровенным пластиковым членом, который был оснащен сбруей и застегками.

Они были подруги; обе рассказывали посетителям, что мечтают поступить в финансово-экономический институт и зарабатывают деньги на взятки ректору. Обе владели одним и тем же комплексом сексуальных приемов, но только у Ковырялки имелся природный талант, и кое-что ей удавалось лучше.

Обе были отпетыми блядьми.

– Нравится?

Ковырялка приподнялась на локте и в сонном раздражении уставилась на предмет, которым дирижировала Марчелла.

– Откуда у тебя эта херня?

– От папки. Папка купил целую партию. Для всех. И запасные купил, если сломается.

Ковырялка тупо взирала на strapon.

– Зачем нам это? До сих пор обходились нормально...

– Папка говорит, что надо идти в ногу с техническим прогрессом. Я примерила – умора!

– По отдельному тарифу пойдет, – деловито заметила Ковырялка, умевшая улавливать суть.

– Ну! Ты представляешь? Мамка о таком и не слышала...

Все это была сущая правда. Константин Андреевич купил

страпоны, для чего лично явился в секс-шоп. Такие магазины были еще в диковину, они только-только появились, и Константин Андреевич прежде не имел ни малейшего представления об их существовании. Но заняв новый пост, он решил показать себя с наилучшей стороны, а когда взялся за дело – увлекся всерьез, как с ним обычно и случалось.

Мансур приобрел ему униформу в магазине ритуальных принадлежностей: там было дешевле. Цилиндра так и не нашли, зато подобрали все остальное: и черную пару, и фабричную «бабочку». Носоглотка раскошелился на новые очки для дяди: модные, в тонкой стальной оправе, и Константин Андреевич смотрелся теперь весьма представительно. В новом наряде он походил на Воробьянинова. В первые дни он бродил по борделю, заглядывал во все углы, что-то мычал, все ощупывал, измерял, обнюхивал. Дел у него, собственно говоря, было немного: раскланяться перед клиентом, вывести девочек, а в случае чего пригласить Гену или Сережу. Да еще следить за временем, режим которого был достаточно прост: час – два часа – ночь. Соответственно менялись расценки, увеличиваясь на денежку. Кроме того, ему подчинялся холодильник с напитками – вот, пожалуй, и все.

Встречу клиента Константин Андреевич постарался превратить в настоящий спектакль. У него не было фирменного отличительного признака вроде мундштука Эсмеральды, и в то же время ему следовало запомниться, так что он, провожая клиента к смотровому дивану, исполнял разнообразные пируэты – в соответствии со своим пониманием буйного разгула и развлечений. Потом бил в ладоши и пронзительным фальцетом вызывал девочек. Девочки строились; Константин Андреевич пританцовывал перед ними, мешая смотреть и выбирать. Но все это казалось ему недостаточным, и он выдумывал разнообразные усовершенствования.

До существования секс-шопа он дошел своим умом. Он догадался о нем, как философ по капле воды догадался о существовании океана. Если имеется некое предприятие, то должны наличествовать структуры, заинтересованные в его обслуживании и процветании. Дядя постепенно усваивал основы рыночной

экономики. Поэтому он навел справки и выяснил, что да, он прав, и в городе появилось место, где можно заказать разнообразную развлекательную утварь.

В секс-шопе успели привыкнуть к праздным зевакам, и потому приход Константина Андреевича не вызвал ничего, кроме утомленного смеха. Но гость повел себя странно: проявил неподдельный интерес, вникал в подробности, пробовал на излом, надавливал пальцем.

– Это что у вас? Насадочки? Насадочки, насадочки...

Посмотреть на Константина Андреевича вышел директор. Его взору открылся тощий зад, обтянутый черными брюками: Константин Андреевич склонился над витриной и изучал вазелин. Потом дяде попался на глаза strapon и совершенно околдовал его.

– Зачем это? – спросил он дрожащим голосом, тыча пальцем в витрину.

– Это фаллоимитатор, – ответил директор бесстрастным голосом.

– Для одиноких женщин.

Тем бы дело и кончилось, не добавь директор еще три слова: «И для мужчин».

Константин Андреевич, никогда не подозревавший о таких горизонтах, сделал стойку.

– Для мужчин? Вы полагаете, это может быть интересно мужчинам?

– Может, – покровительственно кивнул директор. – У людей бывают специфические интересы, и ничто естественное не безобразно.

– Но это как будто искусственное...

– За неимением естественного аналога, – директор развел руками. – Интересуетесь? Желаете приобрести?

– Да, – кивнул Константин Андреевич. Мансур передал ему через племянника деньги на хозяйственные расходы. – Если это представляет интерес для мужчин, то я возьму партию, двенадцать штук. Вы можете выписать товарный чек?

Директор молча смотрел на него – точно так же, как недавно смотрели Мансур и Эсмеральда.

– Мы выпишем чек, – пообещал он после паузы. – Желаете еще чего-нибудь?

– А что вы порекомендуете?

Директор задумался.

– Вот плеточки, хлыстики...

– Плеточки...

– Презервативы могу предложить. С усиками, со жгутиками, с пупырышками. Какой предпочитаете вкус? Есть шоколадный, клубничный, банановый...

Константин Андреевич оторопел:

– Это что же – едят?

– Ну, не то чтобы ели... давайте выразимся более обтекаемо: вкушают.

Голова у Константина Андреевича пошла кругом.

9.

Наняли прислугу.

До сих пор все хозяйственные работы выполняли сами сотрудницы предприятия; новый инструментарий потребовал новые кадры.

Инструментарий подлежал кипячению.

Уместно напомнить, что Константин Андреевич обладал познаниями в самых разнообразных отраслях человеческой жизни. У него имелись зачаточные представления о санитарии, и он сообразил, что фаллоимитаторы полагается хотя бы мыть, а лучше их прокипятить.

Кухонная утварь привела его в ужас.

Девочки готовили себе сами, пользуясь чудовищными кастрюлями и сковородами; вся эта посуда давным-давно прохудилась и облупилась, проржавела насквозь, и дядя призвал племянника.

– Гришенька, – заявил он страдальчески, – это непорядок. В любом деле должен быть порядок, особенно в таком интимном... касающемся здоровья.

Носоглотка насторожился, будучи не в силах понять, куда клонит родственник.

Константин Андреевич вышел в прихожую и вернулся с круглым предметом, завернутым в газету. Объявилась кастрюля; Носоглотка, ничего не разбирая, заглянул в нее и воззрился на дядю.

– Они в этом варят суп, кашу... и в этом же собираются кипятить

эти, как их... – Он пощелкал пальцами. – Имитаторы.

– Ну и что такого? – Носоглотка не видел в кастрюле никакого изъяна. Вернее сказать, он видел, но не придавал ему никакого значения, потому что кастрюля была не его.

– Ржа! – Дядя ткнул пальцем. – Ржа сплошная!...

Носоглотка почесал пятерней в затылке.

– Хорошо, я скажу Мансуру. Но ты губу не раскатывай, он и так разорился на видеокамерах...

Это снова была совершенная правда: невинная и благая идея Константина Андреевича, искренне заболевшего за дело, навела Мансура на мысли абсолютно иного рода. Он решил качать компромат. Он пока не знал, на кого именно, но полагал, что жизнь сама укажет ему на подходящего кандидата. Поэтому Носоглотка напрасно тревожился по поводу посуды: Мансур взял правилом прислушиваться к пожеланиям нового папки. Обычная прижимистость изменила ему, как только он почуял навар. Мансур лично приехал на Фонтанку с инспекцией, и Константин Андреевич с легким сердцем посоветовал ему купить кастрюли у фирмы «Цептер». Изюминка была в том, что у Константина Андреевича имелся контракт, и он числился частным предпринимателем, распространителем этой чудо-посуды. Ничего он, понятное дело, не распространил, но не унывал и не терял надежды, а бумагу берег, как зеницу ока.

Время было такое, что по всему городу шли самые разные презентации. Константин Андреевич не брезговал и этими мероприятиями; он свято верил в возможность заработать честным и усердным трудом; он побывал на презентациях «Визьона» и «Санрайдера», прослушал про «Гербалайф», узнал о перспективах карьерного роста в «Ньювейзе» и «Цептере». Почему-то именно кастрюли очаровали его, и он подписал договор. Он не продал ни одной, и вот беседа с Мансуром воспламенила его.

После видеокамер и straponов Мансур настолько подпал под влияние дядиногo новаторства, что послушно пошел с ним на презентацию «Цептера», где был взят в оборот двумя хищницами и тоже подписал контракт, став первым членом торговой сети с Константином Андреевичем во главе – по всем канонам многоуровневого маркетинга. Он сразу купил десять комплектов

баснословно дорогих кастрюлек и судочков. У него моментально созрел бесхитростный план: втридорога гнать эту продукцию на солнечную родину, в Баку. «Цептер» возликовал, Константин Андреевич получил внушительный бонус, а кухня квартиры на Фонтанке засияла зеркальным блеском из самой Швейцарии, и в этом блеске отныне кипели, булькали, переворачивались в кипятке оприходованные фаллоимитаторы.

Кухарка фламандского вида, в переднике и чепце, колдовала над имитаторами и тайно вынашивала замыслы по вытеснению папки с должности, но это были пустые мечты. Папка укрепился основательно. Девочки все, как одна, полюбили его и намекали на возможность бесплатного обслуживания, да только Константин Андреевич густо заливался краской и убегал, пританцовывая.

10.

...Два месяца пролетели, как юношеский эротический сон. Жизнь на Фонтанке, слегка потревоженная уходом Эсмеральды, налаживалась и наполнялась новью, но Черемисина не покидала творческая лихорадка. Посуда и видеокамеры представлялись ему косметической лакировкой. Константину Андреевичу хотелось революционных изменений. Он просто не мог позволить себе сидеть сложа руки и получать жалованье за встречи и проводы. Совесть подсказывала иные решения, нашептывала сладкие сны о радикальных усовершенствованиях.

Он маялся так, пока ему в голову не ударило проваленное патриотическое воспитание.

Квартира предстала в его умозрении до того обновленной, что у Константина Андреевича перехватило дыхание.

Даже ржание, которое преследовало Черемисина и уже снилось ему по ночам, зазвучало благопристойнее, стало более сдержанным и осторожным, что ли.

Мансур, когда дядя добрался до шашлычной, долго не мог понять, чего хочет зритель, потому что Константин Андреевич от волнения задышался, выстреливал бессвязными полужазами и возбужденно размахивал руками. Мансур предложил ему выпить водки, чтобы привести в чувство, но дядя категорически

отказался: он не пил. Отказавшись, он сразу же схватил наполненную стопку и опрокинул в себя, не соображая, что делает, и без всяких последствий. Спиртное бесследно растворилось в бурлящем адреналине.

Постепенно Мансур уяснил, что речь идет о новой затее, конечная цель которой заключается в массовом привлечении новых клиентов.

– Это... это будет... – возбужденно бормотал Константин Андреевич.

– Это будет на государственном уровне... с национальной идеей! С многонациональной идеей! К нам пойдут, о нас пойдет молва...

Мансур стоически сопротивлялся невразумительному энтузиазму, но все-таки заразился. Энтузиазм проявлялся в нем гробовым молчанием и змеиным оцепенением в сочетании с размеренным шевелением пальцами; взор стекленел, полные губы чуть размыкались.

– Как ты это сделаешь? – спросил он чуть погодя. – Говори спокойно, а то шалтай-болтай.

Дядя перевел дыхание и постарался взять себя в руки. От волнения ему захотелось в туалет, но он решил терпеть.

– Будут разные комнаты, – объяснил дядя. – Тематические. Русская комната. Белорусская комната. Эта... кавказская комната. Понимаете? Наряды, убранство. Это патриотично, это... – Ему не хватало слов. – Военная комната. Представляете?

– Да, – медленно проговорил Мансур. – Фуражка, высокий сапог. Хлыстик.

– Есть, есть хлыстик! – Константин Андреевич вновь возбудился.

– Церковная комната!

– Это как же? – Мансур посмотрел на него недоверчиво.

– Келья, – с готовностью объяснил дядя. – Монашеская. И там монашка. Воображаете? Это будет Русь как она есть, в полном комплекте. Это будет держава.

– Хорошее слово, – промолвил Мансур, пробуя «державу» на вкус.

– Я, пожалуй, все-таки повешу вывеску: «Массажный салон «Держава»».

Константин Андреевич замороженно молчал, давая идее усвоиться и отозваться сложным смысловым послевкусием. К слову «держава» неожиданно прилепилось прилагательное «стеганая», и Константин

Андреевич в замешательстве покрутил головой. Стеганая – в смысле хлыстиком? Или по аналогии с одеялом? Прилагательное не нравилось дяде, и он остановился на одеяле. Хотя и знал, имея возможность наблюдать за происходящим в номерах, что одеялами не пользовался никто, и все устраивалось поверх одеяла.

Мансур взял салфетку и начал набрасывать столбики цифр.

– Дорого обойдется, – трезвея от математики, он внимательно посмотрел на папку.

Тот виновато развел руками:

– А что делать? Что делать?

– И комнат маловато для твоя многонациональный идея.

– Поставим перегородки, – у дядя на все был ответ. – Располовиним номера.

– Тогда и блядей новых придется пригнать.

Константин Андреевич поморщился. Он смирился с невоспитанностью Мансура, но по-прежнему не любил бранных выражений. К девочкам он обращался на «вы» и подсознательно уравнивал их с работницами простого, но почетного физического труда – доярками, например. Неприятное чувство уравновесилось сознанием того, что Мансур соглашается. Кроме того, вместо шести номеров получалось двенадцать, и фантазия Константина Андреевича приобретала дополнительное пространство для полета. В голове его уже кружились невиданные сексуальные экспозиции: колхозные апартаменты. Академические. Школьные – Ковырялка будет прекрасно смотреться в школьной форме и бантах. Милицейские. Глобальный охват жизненных сфер. Все варианты представляли его умозрению в лубочном исполнении: кокошники, сарафаны, чадра с паранджой. Некстати подсунулось намерение организовать стенгазету, но Константин Андреевич вовремя сообразил, что девочки, пожалуй, откажутся.

11.

На Фонтанке вновь закипели ремонтные работы. Гадость, понемногу сочившаяся сквозь розовые обои, насторожилась. Ее опять потревожили: вскрыли, размазали, пустили по ветру, затерли клеем, притиснули, и она растворилась в тесном

межмолекулярном пространстве старого кирпича. Таджикские и молдавские гастарбайтеры хищно поводили носами, провожая девочек голодными взглядами. Ремонт причинял неудобства, но салон продолжал работать бесперебойно. В компенсацию за моральный ущерб Константин Андреевич собственноручно угощал клиентов бесплатным шампанским. Он едва находил время для проводов и встреч, у него была масса других дел, так как он стал фактическим руководителем строительства, его проектировщиком и архитектором, а также дизайнером. Дядя и не подозревал, что может за раз освоить так много профессий. Носоглотка, временами навещавший Олимпию, только качал головой и пучил глаза, поражаясь его изобретательности и вкрадчивой, вежливой, ползучей настойчивости. Константин Андреевич добивался от Мансура решительно всего, чего хотел – и фотообоев с березками, и кокошников, и школьной формы, и белых халатов для медицинского номера с уклоном в садо-мазо, и даже монашеского одеяния, не говоря об образах, которые обошлись не особенно дорого, ибо были совсем новыми, купленными в ближайшем храме, но вызывали в магометанине Мансуре генетический протест.

Носоглотка при виде икон схватился за крестик, который носил бездумно, однако сейчас неожиданно вспомнил о нем.

– Как-то это... дядя... в общем, не надо бы, – сказал он тревожно. Он вдруг вспомнил, как горел в «мерседесе», как увернулся от пули. Как ему недопроломили голову и он поправился, как выпустили из милиции. Ему показалось, что крестик этот вовсе не безделица.

Дядя добродушно рассмеялся:

– Гришенька! Ты посмотри на двор – в какие времена мы живем? Бога-то нет. У меня никакой религии не будет, это одна этнография...

Такого слова Носоглотка не знал.

– Монашка-то будет, – сказал он хмуро.

– Так она же не настоящая! Она переодетая!

Дядя искренне не понимал, почему племянник не разбирает таких простых вещей.

...Он уже реже смущался при девочках и чаще – впрочем, вполне

невинно – подставлял щеку для сестринских поцелуев. Девочки, которых он теперь отечески называл трудовыми пчелами, уважали его целомудрие и прекратили посягательства на девственность папки. Черемисин и в самом деле был девственником – или не был; возможно, в далеком прошлом произошло нечто странное, в чем он вовсе не был уверен, но это давным-давно затянулось белесоватой мясной пленкой.

Тем временем квартира, ему покорившаяся, расцветала последним преобразованием. Номера стали маленькими, но теснота окупалась антуражем. Салон заиграл красками, напоминая жар-птицу; одиннадцать комнат отобразили отечество во всех его проявлениях и аспектах, от исторического до космического. На двенадцатую комнату у Константина Андреевича не хватило выдумки. Он не знал, что с ней делать, и она оставалась неприкаянной. Эрика, сотрудница из новичков, которую поселили в этот номер, постоянно жаловалась на не востребованность. О чудо-салоне пошла молва; на сеансы стали записываться. Выстроилась очередь. Поэтому Эрике грех было жаловаться: ее услугами пользовались многочисленные нетерпеливцы, которым не хотелось дожидаться назначенного часа или дня, а потому ее выручка оказывалась даже солиднее, чем у Ковырялки. Но деньги отошли на задний план, уступив честолюбию.

12.

Клиент приходил.

Константин Андреевич встречал его торжественно, как посол посла. Он больше не прыгал и не вертелся, он аккуратно склонялся в полупоклоне и подавал гостю меню: шикарный цветной буклет с фотографиями апартаментов. У клиента разбегались глаза от березок и восточных халатов, ракет и бантов, колхозных снопов и партизанских землянок. С великим трудом он останавливался на Ковырялке, и Константин Андреевич записывал его в очередь, выдавал талон и выпроваживал. Важным персонам, которых Мансур знал в большом количестве, буклеты высылались на дом, а заказы принимались по телефону. Для них существовали специальные VIP-дни и ночи. Ржание в эти дни и ночи сменялось

медвежьим ревом: били хлыстиком, стегали плеточкой.

В салоне стояла удушливая атмосфера, сочетавшей в себе разнообразные ароматы: березовых веников, восточных курений и притираний, аптеки, ладана из номера с монашкой-вероотступницей, да к этому прилагались винно-водочные пары и дым сигарет, плюс нечто неуловимое и неопределимое, но безусловно биологическое. Мансур, бывая наездами, восхищенно цокал языком и называл Константина Андреевича молочным и кровным братом. Тот скромно открещивался и говорил, что многое еще только предстоит сделать. Константин Андреевич уже зарабатывал больше племянника – во всяком случае, больше того, что удавалось настричь Носоглотке с окрестных ларечников. Но он не тратил на себя почти ничего и откладывал деньги «Гришеньке на учебу». Он сделался еще даже большим аскетом, чем прежде, и видел во сне, как Гришенька приносит клятву Гиппократу или отправляется в космос. Он собирался отнести накопленное в какое-то новое акционерное общество, обещавшее восьмидесятивосьмипроцентную прибыль в месяц, но Гришенька вовремя разузнал об этом намерении и запретил.

А Мансур выходил на набережную, приваливался к оградке и задумчиво изучал здание. У него открывалось имперское мышление, и он вынашивал планы приобретения этого дома целиком. Придется выселить жильцов, но это осуществимо – тем более, что многие из них были почему-то недовольны соседством с «Державой». Эти капризы были непонятны Мансуру: в салоне поддерживался идеальный порядок; он нанял еще двух горилл, которые в корне пресекали не то что пьяные драки, но даже позывы на рвоту. Выдворенных клиентов рвало на свежем воздухе, и это, конечно, могло раздражать очевидцев, но не настолько, чтобы писать гневные письма в различные кляузные места. Мансур прикидывал в уме, и у него выходило, что выселить жалобщиков будет дешевле, чем беспрестанно подмазывать чиновников, которым они строчили.

Салон настолько облагородился, что Мансур наполовину выдвинул его из подполья и зарегистрировал как частное предприятие. Он установил кассовый аппарат, и Константин Андреевич озаботился новой обязанностью: выбивать чеки. Дядя не жаловался –

напротив, он целиком и полностью одобрил эту идею и даже попросил Мансура принести на всякий случай еще и других чеков – товарных, своих любимых. Они внушали ему впечатление непоколебимости мироустройства.

Между тем двенадцатая комната не давала Константину Андреевичу покоя.

Еще оставались отрасли народного хозяйства, не нашедшие отражения в убранстве апартаментов.

Еще сохранялись не востребованными целые исторические эпохи, которые он незаслуженно обошел вниманием.

Но дядя понимал, что необъятного не объять. Нельзя отразить все, надо выделить приоритеты. Он отдал должное и народному хозяйству, и истории, и даже почти государственной религии. Ему хотелось оригинальности, ему не доставало перчинки. Константин Андреевич трезво смотрел на окружающую действительность и сознавал, что она не лишена изъянов. Не все так чудесно и замечательно в природе – и соответственно в державе. А у него получилась образцовая экспозиция, отлакированный лубок. Конечно, вероотступница отчасти уравнивала чаши весов, но избыточный крен в положительное существовал и вызывал у Константина Андреевича неудовольствие. Это была неудовлетворенность художника.

Тикали часы, поедая содержательный досуг посетителей, а Константин Андреевич сидел в некотором оглушении и пощелкивал пальцами.

«Что-нибудь демоническое, – думал он. – Отрицательное, порочное, но свое, исконно русское, родное.»

К сожалению, городские магазины и склады не могли предложить Константину Андреевичу ничего нехорошего.

Постепенно дядя укрепился в намерении обратиться за помощью к специалисту.

13.

Черемисин купил газету рекламных объявлений. Его интересовал эзотерический раздел, где предлагали свои услуги многочисленные маги и колдуны.

Обнаруживая здравость мышления, Константин Андреевич рассудил, что если уж заниматься поисками демонических аксессуаров, то делать это придется именно в этой среде.

– Магические кристаллы, – бормотал он, водя пальцем по строчкам. – Магические шары. Магические браслеты.

Все это были солидные и ценные предметы, и дядя с уважением воспринимал сообщения об их продаже. Но самое слово «магия» казалось ему чужеродным. На Руси отродясь не бывало никакой магии. Бывало колдовство, бывала ворожба. Наговоры и заговоры, порча и сглаз. И все эти действия, как догадывался Константин Андреевич, издревле выполнялись как бы вручную, без применения инструментов. Это соображение его огорчало, ибо не оставляло надежды на приобретение вещей, которые были бы материальным воплощением отечественных демонических явлений.

Он изучил газету вдоль и поперек, потом вторую и третью. Он не нашел ничего нового и в четвертой, объявления повторялись из номера в номер. Чародеи снимали и наводили порчу, гадали на картах, предсказывали будущее, разоблачали прошлое, чистили чакры и выкатывали на яйцо – последней услуги Черемисин не понял, но чутко уловил в ней нечто почвенное, кликушеское, надрывно-родное. Ему даже почудилось завывание степного ветра, и он ясно увидел, как гнется ковыль.

«Может быть, посетить?» – терзался Константин Андреевич.

Но подшефное предприятие само подсказало ему верный ответ. Иначе и быть не могло: многообразие жизни, которое он отразил в этих тесных стенах, благодарно отзывалось многообразием проявлений. Разноликая реальность притягивала разношерстную публику. Среди прочих салон вот уже несколько недель кряду посещал настоятель одного почтенного петербургского храма, румяный и тучный отец Лев.

Отец Лев прибывал за полночь, переодетый в штатское-мирское. Он еле передвигался в узких джинсах, над поясом которых по окружности нависала обильная плоть. Он приезжал подшофе, наполняя приемную смешанным ароматом ладана, спирта, свечного воска и одеколona. Он прочно подсел на Ковырялку, обманув ожидания Константина Андреевича, который решил поначалу, что батюшка обязательно выберет келью с вероотступницей. Но

батюшка, узнав о существовании такого экзотического номера, отнесся к нему неодобрительно и с тех пор, едва переступив порог, принимался грозить Константину Андреевичу пальцем и укорять его за кощунство. Впрочем, эти выволочки бывали непродолжительными; постепенно они превратились в юмористический ритуал. Отец Лев быстро переключался на более интересные темы и всегда оставлял щедрые чаевые. Ковырялку он забирал на всю ночь, и все сотрудники салона гадали, о чем с ней можно столько времени разговаривать. От самой Ковырялки ничего не удавалось добиться: во-первых, она к утру не вязала лыка, а во-вторых, вообще не умела складно излагать мысли.

Константин Андреевич долго не решался обратиться к бабушке за советом. То обстоятельство, что бесы водятся и в церквях, его не утешало. Чуждый религии, он в то же время побаивался попа, почему-то воображая его начальником над собой. Но как-то раз, когда отец Лев прибыл в особенно милостивом расположении духа, Черемисин решил попытаться счастья. Изгибаясь в полупоклоне, он пригласил развалившегося на диване попа отведать шампанского и уделить ему ровно пять минут времени, которые, конечно, не войдут в стоимость визита.

Отец Лев не возражал против откровенной беседы. Сначала он решил, что Константин Андреевич захотел исповедаться, но по мере того, как тот излагал свою просьбу, пришел в недоуменное смущение.

– Позвольте, уважаемый, – пророкотал он удивленно. – Вы что же, хотите чертей?

Константин Андреевич сделал сложное телесное движение, как будто пытался изобразить штопор.

– Видите ли, мне нужно украсить двенадцатую комнату. Придать ей сказочный колорит с элементами национального зла. Должно же быть что-то отрицательное, сплошной позитив неприемлем. Но не могу же я соорудить, к примеру, вредительскую комнату... или там уголовную? Это оттолкнет клиентуру и бросит тень... Хотелось бы аксессуаров... для создания демонической атмосферы.

– Вам, наверное, нужны амулеты, – предположил отец Лев. – Талисманы? Обереги? Шары, кристаллы, браслеты? Православная церковь не поощряет...

Константин Андреевич досадливо помотал головой:

– Нет, это не совсем то, что нужно... – В замешательстве он пощелкал пальцами. – Мне не нужны амулеты, в этом есть что-то чуждое, заграничное. Я не хочу обставлять помещение в духе западного средневековья. Мне не нужны европейские дьяволы, мне нужны... русские черти, чтобы как у Гоголя. Помните? Как они бросились из церкви и позастревали в окнах и дверях, да так там и остались. Вот что-то наподобие этого мне требуется.

Батюшка крикнул.

– Желание грешное! Почему бы вам не обратиться к кукольникам? Они наготовят вам кого угодно – с рогами, с копытами...

Дядя сокрушенно кивнул:

– Так-то оно так... Но хочется подлинности. Ведь вот иконы у нас настоящие, – он осекся и опасно посмотрел на отца Льва, но тот на сей раз не возмутился, будучи сильно заинтересован оборотом, который принял разговор. – И одеяние монашеское тоже настоящее. Я решил, что вы по роду службы можете быть в курсе... Отец Лев неторопливо допил шампанское.

– Я в курсе, – пробасил он значительно.

– Мои намерения самые благие, – поспешно перебил его Константин Андреевич, но поп жестом велел ему замолчать.

– Я в курсе, – повторил он на полоктавы ниже. – И кое-что могу вам подсказать. Почему бы и нет, собственно говоря? – Батюшка воспламенился. – Вам нужна банька.

– Банька? – Константин Андреевич сделал стойку. Его деятельный ум вскипел, почувствовав близость решения.

– Ну да, – кивнул отец Лев и посмотрел на часы. – Давайте-ка, сударь, мы перейдем к делам земным и несовершенным. А завтра вечером я к вам наведаюсь особо, и мы потолкуем.

Хмель кружил ему голову, он искренне хотел пособить зрителю. Константин Андреевич даже не изумился такой любезности со стороны духовной особы. Он уже начал изнемогать от нетерпения, мечтая о завтрашнем дне. Ковырялка пришла в смотровую, увидела духовную особу и сказала:

– Привет!

Отец Лев ударил себя по бедрам и решительно встал. Его борода задвигалась.

14.

Не дожидаясь прихода батюшки, Константин Андреевич самостоятельно собрал сведения о баньке.

Он бегло просмотрел статью в энциклопедии, полистал словари. В общем и целом он кое-что выяснил, но по-прежнему не понимал, какое отношение имеет к его замыслам баня. Хотя сама идея ему уже нравилась; он кое-что слышал об античном распутстве, царившем в такого рода местах, и считал, что баня салону не помешает. Конечно, без античных заимствований, потому что тогда придется оставить патриотическую идею и замахнуться на всю мировую культуру, а Константин Андреевич понимал, что космополитизма не сдюжит.

Вечером батюшка открыл ему глаза.

Пресытившись накануне, он взмахом руки отослал подоспевшую было наперсницу:

– Ступай, чадо.

Окутывая Константина Андреевича парами церковных вин, он пустился в объяснения. Из его слов следовало, что именно в баньку-то и приходят черти.

– По ночам, – добавил он. – Это знает любой крестьянин.

– Удивительно, – с чувством сказал Константин Андреевич. – Казалось бы – такое добропорядочное место, чистое.

– И-и, милый, – протянул поп. – Что вы такое говорите! Чистое, как же! Знали бы вы, что там делается, в этих баньках... – Он вдумчиво перекрестился. – Построите баньку, так черти к вам сами придут.

– Мне немного странно слышать от вас такие прогнозы, – признался дядя. – Не скрою, я рассчитывал на совет, но вы превзошли мои ожидания... Вас не смущает приваживание... м-м... чертей? Откровенно говоря, мне хотелось не то чтобы настоящих чертей, а атрибутику... Я думал, вы укажете мне на поклонников, которые располагают...

Отец Лев сердито засопел.

– Вот с сатанистами, сударь, я не знаюсь. Их и церковь не принимает – вытягивает из храма, как сквозняком, если случайно заявятся. А черти – черти что ж! я сам их и выгоню, когда

набегут...

– Имеете опыт?

– И немалый. Я стреляный волк. Я уже выгонял бесов из бани...

– И часто?

– Да сотню раз, – легко ответил батюшка. – Дело-то пустяковое.

Константин Андреевич уважительно помолчал.

– Я вам помогу, – завелся батюшка, все больше втягиваясь в затею.

– Вы и по банному делу специализируетесь?

– И по банному, и по печному... Думаете, что если поп, так белоручка, ничего не умеет? А у меня два высших образования и техникум.

Благоговение дяди достигло предела. Но вдруг он нахмурился:

– Вот незадача! Банька – оно замечательно... Только как же быть с двенадцатой комнатой?

Отец Лев огладил бороду.

– В ней и сделаете баньку, – сказал он, выказывая легкое удивление при столкновении со столь безобидным препятствием.

– Она же крошечная...

– Стенку сломайте. Что там за стенкой?

– Соседи...

– Ну так гоните их в шею. Заплатите, выкупите квартиру. А то у вас и в самом деле тесновато.

Константин Андреевич посмотрел на пышные тела отца Льва.

– Мне придется переговорить с начальством, – сообщил он доверительно и застенчиво. – Я не имею полномочий заключать такие масштабные соглашения.

– И правильно, – одобрительно кивнул настоятель. – Каждая живая душа занимается тем, что ей от Бога положено, а если которые ропщут, то в этом гордыня и суетное беснование.

...Константин Андреевич не догадывался о планах Мансура, вынашивавшего намерение приобрести дом на Фонтанке в личную собственность. Его предложение купить соседнюю квартиру и выломать стенку безукоризненно совпало с желаниями патрона, но дядя даже не удивился легкости, с которой Мансур согласился на сделку. Ему казалось, что это в порядке вещей. Его инициатива разумна, а согласиться с разумным – естественно, и никакие

преграды не выдержат натиска, если о деле договариваются два разумных человека.

15.

Выселение соседей сопровождалось небольшим скандалом.

Константин Андреевич заинтересовался шумом и даже слегка разволновался. Мансур посочувствовал ему:

– Надо же, какие хулиганы бывают. Самое время их отселить! Спасибо тебе, брат! Вовремя обратил внимание...

По коммунальной квартире за стенкой пошло гулять эхо.

Мансур собственноручно расколошматил об эту стенку бутылку шампанского, мысленно видя себя ответственным работником верфи, отправляющим в плавание могучий корабль. Потом посторонился, освобождая место для для очередной интернациональной бригады из Таджикистана, которая прибыла инкогнито и по прибытии мгновенно лишилась документов. Лом уже был приготовлен; салон задрожал от ожесточенных ударов. Со стороны захваченной квартиры работала встречная группа, и вот они пожали друг другу руки через уродливый проем, как это делают проходчики метрополитена.

Подъехал отец Лев. Он протиснулся в отверстие и обошел помещение, оценивая его пригодность для банно-развлекательных мероприятий. Как истинно русский человек почти что от сохи он очень любил все банное и живописал в умозрении сцены своего собственного помывочного отдыха в приятной компании.

Он остался доволен осмотром.

– Добрая выйдет баня, – похвалил отец Лев.

Носоглотка, тоже присутствовавший, вдруг вспомнил о крестике, который неоднократно его выручал, и осмелился сунуться с просьбой:

– Может быть, заодно освятить наш салон? Окропить? Раз уж такое дело.

Настоятель разгневался:

– Кропить вертеп? Благословлять притон? Да ты в своем ли уме, чадо? Я, грешник, посещаю блудниц и каюсь ежеутренне и ежевечерне, и молю Спасителя избавить меня от губительных

вожделений! И если вызвался содействовать, то лишь по образу и подобию блудницы, которая омывала Ему ноги, ибо я мал и ничтожен...

Он собрался было добавить, что и вообще не время размахивать здесь кадилами и кропилами, так как эти действия наверняка отпугнут ожидаемую нечистую силу. Но передумал, решив, что Носоглотке и без того много чести.

Определившись принципиально, отец Лев взял строительство бани под личный контроль.

– Я уже строил баню, – прогудел он, и в этом гудении прозвучало сразу многое: и желание обнадеежить, и застенчивая скромность, и заслуженная гордость.

Настоятель быстро забраковал иностранных наемников.

– Я пришлю своих людей, – пообещал он. – У меня и плотники есть, и каменщики, и печники.

Мансур слушал батюшку с некоторой тревогой. Возможности Церкви были достаточно велики, чтобы лишить его прибыльного предприятия и крышевать салон заодно с табачной и водочной торговлей. Ему не нравилась прыть, с которой настоятель захватил строительство в свои руки. Но он утешал себя тем, что успел собрать на батюшку солидный компрометирующий материал. Видеокамера запечатлела поповские подвиги во всем их многообразии, и Мансур уже всю тиражировал эти записи, намереваясь продать их ведущим порнозаводчикам.

Он настороженно спросил:

– Сколько хотят твои люди?

– Это люди неимущие, – успокоил его отец Лев. – Оступившиеся, многогрешные. Они поработают за харчи, да за чарку спирта.

– Технический будет спирт, – предупредил Мансур.

– А и пусть, – отозвался тот. – Это народ закаленный – можно сказать, богоизбранный. Господь милостив и не допустит неправды. Господь наш испытывает тех, кого любит...

– Пусть так, – перебил его Мансур, выставляя ладони в знак согласия и примирения. На языке у него вертелся и приседал микроскопический Аллах, кроме которого богов не бывает.

Строительство закипело.

Отец Лев знал все и разбирался во всем.

– Кирпичные стены – они прочные, но холодные, – учил он. – Деревянные – это совсем другой разговор. Нагреваются быстро, и конденсата нет, а если древесина сухая, то конденсат тут же в нее и впитывается. Но даже дерево нужно оштукатурить, и нам понадобится цементно-известковый раствор. И кладочку сделаем на таком же растворе, а то некоторые пробуют глиняный, и тогда беда.

Он шел дальше, останавливался, брался за бороду, дергал, потом брал слово:

– Неразумные чада! К чему здесь котел? Ведь это предбанник. Баня всегда состоит из моечной и предбанника. Здесь надо устроить тамбур с дверью, чтобы предбанник не охлаждался. И одна сторона печи как раз сюда и должна выходить, можно даже топкой...

Константин Андреевич следовал за ним по пятам и для верности записывал каждую реплику. Настоятель поворачивался к нему и рассуждал вслух, обращаясь больше к себе самому:

– Ну, с печью мы не станем мудрить. Соорудим обычную каменку, какая попроще... – В этом пункте он замечал дядю и начинал объяснять: – Отверстие. Мы проделаем его в камере у самого низа, чтобы выходили нагретые газы. Но их, собак, еще нужно направить, поэтому положим между топкой и камерой стеночку. Кирпичную, в полкирпича... Камни тогда будут нагреваться у самого низа.

– И на камни эти – кваском, да? – вдруг догадывался Константин Андреевич.

– Кваском, – кивал отец Лев. – Можно кваском, можно и водичкой.

Он разворачивал чертеж.

– Смотрите, – палец упирался в изображение, оказывавшее на влюбленного в технику дядю гипнотическое действие. – Это и есть печь. Между стенками печи и котлом оставляем зазор, сантиметра четыре. Тогда горячие газы омотают котел со всех сторон, и вода нагреется очень быстро. А это труба. Вы знаете, что тяга в печи зависит от трубы? Вот тут у нее разделка, а

вот тут у нее распушка... А вот сюда... – Он чесал в затылке. – Сюда патрубок, – решал он наконец, переключаясь уже на что-то другое, чего Константин Андреевич не успевал уловить.

При таком грамотном руководстве не приходилось дивиться скорости, с которой продвигалось строительство. Под баньку отвели добрую половину соседской квартиры; вторую Мансур распорядился готовить под дополнительные апартаменты. Наметилось расширение штата, и он подумывал о найме второго смотрителя-папки, а лучше мамки – для пущей гармонии. Константин Андреевич заверял его в своей способности обслуживать обе квартиры сразу.

– Но там же банька! – недоумевал Мансур. – Как ты пройдешь?

– А через баньку и пройду, – дядя не видел в этом ничего зазорного. – Прикроюсь веничком и прошмыгну. Я же простой персонал, как уборщица в мужском туалете. Я никого не стесню. Мансур колебался, раздираемый соображениями экономии.

Являлся настоятель с напоминанием, что котел уже установлен и скоро настанет время испытывать баню.

Ему было обещано право первой ночи – конечно, бесплатной. Мансур оттягивал открытие, потому что еще не успел установить в вентиляционном отверстии подглядывающее и подслушивающее устройство.

– Вместе пойдем, – отец Лев дружески похлопывал по спине Константина Андреевича. – Встретим дорогих гостей...

– Вы думаете, они так сразу и набегут? – не верил тот.

– А как же иначе. Мы им создадим хорошую атмосферу. В Писании ведь как сказано: видит бес, что место чисто и пусто – и приходит туда, и за собой ведет еще семерых, в сто раз злее...

– Это про баню? – обмирал Константин Андреевич.

– Это про душу человеческую, – строго вразумлял его батюшка. – Но можно понимать и про баню, – он смягчался и уступал. – Писание многозначно, там каждое слово вмещает сотню смыслов. «Надо будет почитать», – наказывал себе дядя.

17.

Баня открылась досрочно.

Мансур еще не получил разрешения от санитарных и пожарных властей, но это не помешало ему приступить к пробной эксплуатации.

Он передал объект в полное распоряжение Константина Андреевича.

– Мойся, брат! – напутствовал он зрителя. – Мойся и веселись! И ты, святой отец, мойся и радуйся! Выпей там за Мансура, помяни его в своих нечестивых молитвах!

Отец Лев довольно посмеивался в бороду. По случаю открытия бани он уже принял прилично и собирался продолжить. Он обнимал Константина Андреевича и звал в парилку.

– Я не могу, – отнекивался дядя. – Я на работе.

– А черти? – шептал ему настоятель. – Как же черти? Они ведь придут.

Константин Андреевич в смятении озирался. Батюшка совал ему под нос раскупоренную бутылку.

– Я непьющий, – протестовал тот.

– Атмосфера требует, – внушительно возражал отец Лев.

Дядя беспомощно сопел, не находя выхода. Надо было соглашаться. «Да и ладно! – бесшабашно подумал Константин Андреевич. – Что я, в самом-то деле? Я ведь юн, мне не дашь и девятнадцати лет. У меня еще все впереди. Не стоит отказываться от новых впечатлений, пусть даже не совсем полезных для здоровья, потому что мне все-таки пятьдесят восемь».

– Хорошо, – сказал он, поеживаясь от озноба, как будто из бани уже потянуло холодом преисподней.

Он вдруг осознал, что двенадцатая комната, расширившаяся невероятно, перетянула в себя основное содержательное наполнение салона. Державные комнаты, выстроившись анфиладой, образовали очередь, готовясь одна за другой устремиться в сырую и душную горловину. Прощальным смерчем закружилось разноцветное конфетти, как попало настриженное из партизанских покоев, монастырских покоев, покоев русских и белорусских, апартаментов кавказских, номеров академических.

Константин Андреевич помотал головой. Отец Лев шагнул вперед и толкнул дверь.

– Прикажете позвать барышню? – пискнул дядя.

– Позже, – настоятель прошел в предбанник и остановился, ожидая, когда тот присоединится. Константин Андреевич нерешительно переступил порог.

Отец Лев расстегнул ремешок часов, взглянул на циферблат.

– Половина двенадцатого, – сообщил он со значением. – Сейчас мы с вами угостимся, омоемся и предадимся деятельному ожиданию.

– Что такое деятельное ожидание? – Константин Андреевич, ужасно стыдясь и следуя примеру настоятеля, снял пиджак и начал расстегивать брюки.

– Это такое ожидание, когда мы еще раз угостимся.

Константин Андреевич стянул носки. Отец Лев гроыхнул ковшиком. Зашипела бутылка с квасом.

– А что же черти? – Дядя зябко переминался с ноги на ногу.

– Так они уже здесь.

– Как? – Черемисин начал оглядываться.

– Я их чую, – подмигнул ему отец Лев. – Они уже подтянулись, но пока не отваживаются шалить. Ничего! Сейчас мы их приманим...

Держа в одной руке ковш, а в другой веник, он надвинулся на Константина Андреевича чудовищным животом. Пупок у него перестал быть впадиной и выступал.

– Подбросим дровишек, – весело сказал настоятель.

...Пожар начался часа через четыре. Его причины не удалось выяснить, но баня выгорела первой. На это ушли считанные минуты; затем гримасничающий огонь перекинулся на салон. Пламенные черти с урчанием пожирали номер за номером, отрезая пути к отступлению; лопнули стекла, из окон повалил тяжелый дым. Вскоре от первой квартиры ничего не осталось, и от второй квартиры ничего не осталось тоже. Никто не выбежал и не позвал на помощь, кроме одинокой бледной фигуры – оплывшее туловище на длинных и кривых ногах, проскакавшее боком. Оглашая пустынную набережную испуганным ржаньем, фигура зигзагами понеслась навстречу рассвету.

Алексей СМИРНОВ. Некауалар